

«МОЕМУ РОДНОМУ ГОРОДУ ЛЕНИНГРАДУ...»

МОЛОДЕЖЬ, ПОМНИ!

слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас свою боевую вахту...»

Это было осенью сорок первого. Потом наступила суровая блокадная зима. Д. Шостакович дописывал Ленинградскую симфонию в Куйбышеве. Но она была о ленинградцах, она рассказывала миру о страданиях и силе города-героя, о великой борьбе и великой победе, в которую верили, несмотря ни на что.

...Весной 1942 года в стационар, который помещался в верхних этажах гостиницы «Астория», к больному и слабому К. И. Элиасбергу пришел один скрипач. Он поднял над головой «легкую мышь», осветил темную комнату и, едва разглядев черное, как тень, Карла Ильича, передал ему просьбу тогдашнего начальника Управления по делам искусств Б. И. Загурского прийти к нему.

— Если сумею подняться, приду! — пообещал дирижер.

Он пришел. И разговор свелся к тому, что надо возродить оркестр радиокомитета. Город должен слышать свой оркестр! Тем более, что пришла весть об исполнении в Куйбышеве Седьмой (Ленинградской) симфонии Шостаковича.

Вскоре было объявлено о регистрации и сборе всех музыкантов. И тут снова блокада показала свое суровое лицо: в списке, принесенном на радио, многие фамилии были обведены черными рамками — погибли в городе или на фронтах, другие заключены в красные — живы, но могут лишь едва передвигаться...

И все-таки оркестр набирался! Музыкант Д. Шен в своих заметках об осажденном Ленинграде вспоминает, что трудно было узнать приходивших на регистрацию музыкантов. Это были порой шатающиеся скелеты, но они держали в руках музыкальные инструменты и улыбались при мысли, что снова будут играть!..

С апреля до июня — немного, кажется, времени. Но за плечами возрожденного героического оркестра уже не один концерт, сыгранный в студии радиокомитета и зале Театра имени Пушкина, Филармонии и Доме флота.

А в июне прилетела в Ленинград партитура симфонии Шостаковича. И продолжена была великая эпопея создания Седьмой (Ленинградской) героической... «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию», — так писал Дмитрий Шостакович.

Симфония должна прозвучать в Ленинграде! Но партитура написана так, что для ее исполнения необходимо 8 валторн, 6 труб, 6 тромбонов, то есть, по существу, двойной состав оркестра... Что делать? Где взять музыкантов?

И вот решено: прикомандировать к оркестру музыкантов из армии и флота. В город прибыли десятки новых людей из фронтовых оркестров, и работа над Седьмой симфонией началась!

Оркестранты сами переписывали свои партии, в обстрелы и бомбеж-

ки продолжались репетиции, дирижер Элиасберг подолгу работал за письменным столом над партитурой.

Уже на первых репетициях оркестр столкнулся с трудностями: инструменты не строили! Сколько времени и сил пришлось потратить на то, чтобы выравнять медные! Но потом выяснилось, что медные не строят с деревянными... Элиасберг долго и упорно занимался с этими группами, работал со струнными...

А город жид, как боевой лагерь. Фашисты обстреливали улицы и трамвайные остановки. Санитарные машины увозили раненых, люди умирали от слабости и болезней...

Оркестр продолжал репетиции в Большом зале Филармонии, где и решено было провести премьеру. Несмотря на лето, в огромном зале было холодно — за зиму он промерз, наполнился прозывающей сыростью. Но надо было видеть, с каким энтузиазмом и вдохновением работали ленинградцы над своей, Ленинградской симфонией! К. И. Элиасберг запланировал 7—8 больших репетиций, но уже после пятой понял, что цель близка.

Композитор и музыковед В. Богданов-Березовский вспоминает репертуарную репетицию. В зале собралось много народу, здесь были солдаты с автоматами, участники самодеятельности, артисты. С замиранием сердца слушали все эту живую повесть о самих себе! Это было не впечатление, а потрясение...

И вот наступил день, которому суждено надолго сохраниться в памяти людей.

9 августа 1942 года. Белоколонный зал Филармонии увидел необычную для себя публику: среди слушателей было очень много людей, приехавших прямо с передовых. Зажегся полный свет! Но что-то странное было в освещении зала. Это обнажились большие бронзовые каркасы знаменитых филармонических люстр, с которых сняли в блокаду хрустальные подвески... Все необычно в этот знаменательный вечер. Вот вышел на эстраду оркестр, он огромен, и многие музыканты — в военной форме!

Появился за пультом Элиасберг. Он был худ и походил на черную тень в своем черном фраке. Зал замер... И полились звуки о жизни и горе, о силе и воле, о великом мужестве и светлой вере... Трудно даже было себе представить, что в такое время люди могут вот так тихо сидеть в зале и слушать музыку, исполнять ее. Но эти люди были ленинградцы. И музыка была — Ленинградская симфония. Это было притягательным словом! Концерт стал праздником для блокадного города, символом его неслышимой воли, его непобедимости.

После окончания концерта зал долгой овацией приветствовал оркестр, дирижера, композитора, который за много сот километров ждал с замирающим сердцем вестей из родного города.

Элиасберг поднял над головой партитуру симфонии.

Аплодисменты продолжались... Возвращаясь с концерта по пустынным ленинградским улицам, озаряемым вспышками артиллерийских залпов, сотни людей думали о том, что вот теперь трагическая и великая эпопея борьбы запечатлена навечно. Эти люди уходили с концерта, как писала О. Берггольд, полные уверенности в силе и мужестве стойкого человеческого коллектива, называемого Ленинградом!..

Э. ЮЛИНА